В. К. Росс

МАМА СКАЗАЛА, ЧТО ОТЕЦ УМЕР.

ТЕПЕРЬ ОНА ЗАПЕРЛА НАС ВМЕСТЕ

В.К. Косс

Мама сказала, что отец умер. Теперь она заперла нас вместе

«Автор»
2026

Косс В.

Мама сказала, что отец умер. Теперь она заперла нас вместе / В. Косс — «Автор», 2026

Восемнадцать лет я верил, что отец погиб. Мама знала, где он на самом деле.Он нашел меня сам. Прислал видео с деревянной птицей — копией моей детской игрушки. Оказалось, все эти годы он был в тюрьме. Я хотел услышать его. Мать предложила встретиться всем вместе.Теперь мы с отцом заперты в ее подвале. Вода есть. Свет есть. Засов — снаружи.Отец рассказывает о пожаре, который унес чужую жизнь. Мать требует выслушать его и сделать правильный выбор. Их версии расходятся. Выйти мне не разрешают. Вместо ключа передают лист: я должен добровольно отказаться от встреч с отцом.Вера ждет моего звонка в шесть. Телефон остался наверху.Мама знает код.

© Косс В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. ОН НЕ УМЕР 5
Глава 1. Птица с одним глазом 5
Глава 2. Мама сказала: не приезжай 11
Глава 3. Снаружи 17
Глава 4. Пока вы не договоритесь 22
Глава 5. Мой отец сидел за пожар 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

В.К. Косс
Мама сказала, что отец умер. Теперь она заперла нас вместе

ЧАСТЬ I. ОН НЕ УМЕР

Глава 1. Птица с одним глазом

Сначала я узнал птицу.

На маленькой картинке рядом со значком видео она была похожа на деревянную прищепку: толстое туловище, короткий хвост, одно крыло торчало выше другого. Я увеличил изображение грязным пальцем и оставил на стекле светлый след от клея.

«Илья, пожалуйста, посмотри. Если не захочешь отвечать, больше писать не буду».

Сообщение пришло на рабочий номер. Туда присылали фотографии продавленных диванов, ножек, которые «просто отвалились», и комодов, по ошибке перекрашенных краской для батарей. Обычно к вечеру пятницы я переставал открывать новые запросы. Этот открыл.

Мужчина в кадре сидел перед пустой стеной. Телефон снимал снизу, и сначала я увидел только подбородок и ворот рубашки. Потом он наклонился, посмотрел куда-то в сторону и подвинул аппарат.

— Вот так, кажется.

Он поднял птицу. Крыло качнулось.

— Помнишь ее? Эта новая. Старая у тебя осталась, наверное. Или пропала.

Пальцем он прикрыл единственный черный глаз.

— Второй ты на корабль забрал. У штурвала ручки не хватало. Я тогда сказал, что птичка теперь должна боком летать, а ты ответил, что она пиратская.

За стеной работал компрессор. Три коротких толчка, пауза, длинный. Я не расслышал следующие слова и включил видео заново.

Когда оно закончилось во второй раз, я все еще держал кисть над перевернутым стулом. Клей собрался на щетине в прозрачную каплю.

— Илья, у тебя течет, — сказала Вера.

Я посмотрел на нее.

Она стояла у раскройного стола с полосой зеленой ткани на плече. Две булавки держала губами. Увидев мое лицо, вынула их и воткнула в подушечку на запястье.

— Кисть положи.

Я положил ее прямо на верстак.

Вера подставила крышку от банки, перевела взгляд на стул и подтянула к себе струбцину.

— Соединение дожимаем или ты уже передумал?

— Дожимаем.

— Тогда подержи здесь.

Она говорила обычным рабочим голосом. Я прижал царгу к ножке, Вера затянула винт. Мы занимались этим стулом с обеда: до нас его уже чинили саморезами, потом залили неподходящим клеем, а хозяйка удивлялась, почему все снова разошлось. Теперь ножка стояла ровно. Я проверил угол два раза и только после этого убрал руку.

— Что случилось? — спросила Вера.

Я посмотрел на экран. Мужчина замер с птицей у щеки. На рубашке у него темнело пятно, то ли мокрое, то ли так легла тень.

— Не знаю.

Это было точнее, чем любое другое объяснение.

Вера не потянулась к телефону. Она сняла ткань с плеча и аккуратно повесила на перекладину.

Восемь месяцев назад я еще считал ее аккуратность способом показать, насколько неряшливо работаю я. Потом понял, что она просто не выносит искать то, что минуту назад лежало под рукой. Наш общий степлер был привязан к столу шнурком. На шнурке висела бирка: «Я не уходил. Меня унесли».

Сейчас я смотрел на эту бирку, потому что на человека в телефоне смотреть было трудно.

— Мне прислали видео, — сказал я. — С детской игрушкой.

— С твоей?

— С такой же.

Вера подождала.

— Я забрал у нее глаз. Для корабля. Это правда было.

О том корабле я не вспоминал много лет. Теперь вдруг отчетливо увидел подоконник в старой квартире: краска вздулась у рамы, на батарее сохли варежки. Корабль был сделан из обрезка доски, с перекошенной мачтой. Вместо штурвала я приколотил круглую крышку, а черную бусину приклеил к краю. Она отвалилась в первый же день. Отец предложил просверлить ее насквозь. Я отказался, потому что у настоящего корабля не бывает дырявого руля.

Или он тогда сказал что-то другое. В памяти сохранились стол, бусина и мое собственное возмущение. Его лица я не увидел.

На фотографии в мамином альбоме отец был молодым, с темными волосами и небольшими усами. Мужчина в телефоне носил короткую седую щетину. Верхняя губа стала тоньше, у виска обозначилась впадина. Я пытался мысленно убрать эти восемнадцать лет и не справлялся.

— Кто прислал? — спросила Вера.

— В профиле написано: Антон Громов.

Она знала мою прежнюю фамилию. Когда мы оформляли аренду, в старых дипломах она отличалась от нынешней.

— Твоего отца так звали?

Я кивнул.

— Но он ведь…

— Да.

Вера посмотрела на птицу.

— Сам номер знакомый?

— Нет.

— Тогда пока ничего не отправляй. Ни документов, ни денег.

Она взяла свой телефон.

— Хочешь, я поищу, откуда он мог взять сведения?

Мне стало легче от самого устройства ее предложения. Сведения можно было откуда-то взять. Видео можно было изготовить. Деревянную игрушку — повторить по фотографии. У этого было объяснение, для которого не требовалось заново проживать половину жизни.

Но фотографий птицы я не помнил. Корабль тем более никто не снимал.

Вера ушла в переднюю закрыть дверь. По пятницам к нам иногда заходили без предупреждения — всего лишь спросить цену, всего лишь показать табуретку в багажнике. Она перевернула табличку на стекле, вернулась и села на край стола.

Я нажал на значок звонка.

Сразу отменил.

— Что ему сказать?

— Спроси, откуда он про тебя знает.

Я снова нажал. На экране появилось собственное лицо: опилки у ворота, красная полоска от защитных очков на переносице. Я потер щеку о плечо, хотя след от очков остался на переносице.

Мужчина ответил не сразу. Сначала что-то упало, потом мелькнул потолок. Наконец он устроил телефон вертикально.

— Илья?

В записи его голос показался мне чужим. Теперь в том, как он произнес мое имя, я услышал знакомую торопливость. Он будто начинал разговор, на который у нас уже оставалось мало времени.

— Да. Я смотрел видео.

Он кивнул несколько раз.

— Спасибо.

— Откуда у вас мой номер?

— На странице мастерской. Там кнопка, чтобы связаться.

— А страницу откуда нашли?

— В статье. Про старое депо. Вы там помещение сняли, правильно? Я фамилию увидел, фотографию. Потом уже искал.

Статью опубликовали в июле. Журналистка написала о бывшем трамвайном депо, где разместились мастерские, пекарня и школа танцев. Мы с Верой попали на фотографию случайно — разгружали кресло и спорили, кто пойдет задом по лестнице. Мама вырезала тот снимок из бумажной газеты. Два экземпляра купила.

— Как вы поняли, что это я?

Он наклонился к экрану.

— По лицу. И по возрасту. Там написали: двадцать восемь. Я подумал, надо хотя бы спросить.

В комнате за его спиной была узкая кровать с аккуратно сложенным покрывалом. У стены стояла спортивная сумка, на подоконнике — электрический чайник. Мужчина сел слишком близко к телефону, потом отодвинулся. Я заметил шрам у основания большого пальца на левой руке.

У отца был такой шрам. Я помнил, как запускал под него ноготь, когда сидел у него на коленях. Историю о том, откуда он взялся, я забыл — помнил только плотную белую полоску и теплую ладонь.

— Как звали нашу собаку? — спросил я.

— У нас не было собаки.

— А у соседей?

— С какой стороны?

— Не знаю. С любой.

Он впервые слегка улыбнулся.

— У тети Нины был Пончик. Черный, мелкий. Ты его боялся, но говорил, что это он тебя боится.

Я подвинул телефон. Часть лица ушла за край кадра.

— Почему у меня на подбородке шрам?

Он перестал улыбаться.

— Ты с бордюра упал. На велосипеде. Я отпустил багажник раньше, чем обещал. Ты потом мне долго не давал за велосипед браться.

Я провел пальцем под нижней губой. Шрам почти не чувствовался.

Вера поднялась, чтобы уйти, но я покачал головой. Она остановилась у стеллажа, вне поля камеры.

— Мама говорила, я на лестнице упал.

Мужчина опустил глаза.

— Может, еще и на лестнице. Я про велосипед помню.

Мне хотелось, чтобы он уверенно поправил маму. Рассказал что-то, после чего не осталось бы сомнений. Он сидел перед камерой, положив руки на колени, и ждал следующего вопроса.

— Как меня звали дома?

— По-разному. Илька. Кнопка, когда маленький совсем.

— Не надо так.

— Хорошо. Илья.

Он сказал это сразу, без обиды. Я почему-то отметил именно это.

Компрессор за стеной наконец выключился. В тишине стало слышно, как на улице гремит тележкой охранник депо.

— Вы понимаете, что я вас похороненным считал?

Мужчина открыл рот и закрыл. Потом взял со стола птицу, посмотрел на нее и положил обратно.

— Теперь понимаю. До этого не знал.

— Мама сказала, вы погибли. На трассе.

— Я не погиб.

— Это я вижу. Где вы были?

Он не стал отворачиваться.

— В заключении.

Я увидел, как Вера сжала пальцы на полке. Сам я не пошевелился.

— Сколько?

— Восемнадцать лет. С учетом того времени, пока дело шло.

Я попытался прикинуть: десять плюс восемнадцать. Получилось двадцать восемь. Никакой ошибки, которая дала бы возможность переспросить и услышать другое, не было.

— За что?

— После пожара на производстве.

— Какого пожара?

Он посмотрел на меня внимательнее.

— На нашем. В Речном.

Я знал название поселка. Знал запах сырой доски в отцовской мастерской, помнил, как мать ругалась из-за стружки в обуви. Пожара среди этих воспоминаний не было.

— Илья, я хочу объяснить. Только я не знаю, с чего ты… что тебе известно.

— Мне известно, что мой отец умер.

Он медленно кивнул.

— Да.

— Когда вы вышли?

— В августе. Почти шесть недель назад.

— А до этого написать не могли?

Он потер щетину.

— Я писал.

Я взял со стола сухую тряпку, вытер палец, потом другой. Клей на коже уже схватился и скатывался белыми нитками.

— Куда?

— Матери. На адрес, который знал. Она отвечала. Потом письма возвращаться стали.

— Что отвечала?

Вера сделала шаг к верстаку. Я снова покачал головой, хотя она ничего не предлагала.

— Что ты не хочешь, — сказал он. — Я не должен был этим ограничиваться. Но тогда я думал…

— Подождите.

Он замолчал.

Я смотрел на его комнату. На электрический чайник с коротким проводом, на стакан с чайным пакетиком. В комнате было слишком светло: голая лампа висела прямо над головой. Все это существовало сейчас, в ту же пятницу, когда я собирался заказать еду, досмотреть сериал и в субботу поехать к матери проверить петлю на воротах.

— Где вы сейчас?

— В Бережках. Комнату снимаю у вокзала. Приехал, когда нашел мастерскую.

— Сюда приходили?

— Нет. Хотел сначала написать.

— Я позвоню маме, — сказал я.

Он чуть подался вперед.

— Конечно.

— Потом вам.

— Хорошо.

— Ничего не обещаю.

— Я понял.

До того, как я выключил звонок, он успел спросить:

— А со стулом что?

Я посмотрел за плечо. В кадр попала зажатая ножка.

— Шип разбит. Вставку сделал.

— А. Хорошо.

Мы зачем-то еще несколько секунд смотрели друг на друга. Потом я нажал красную кнопку.

Вера подошла к столу, убрала из-под моего локтя открытую банку с клеем и закрутила крышку.

— Сядь нормально, — сказала она. — Ты сейчас со стола съедешь.

Я сел на табурет.

Она налила воды в кружку. Не в мою, а в свою, чистую: в моей с утра стоял холодный кофе. Я выпил половину и поставил кружку на телефон.

— Подожди минуту, прежде чем звонить, — сказала Вера.

— Зачем?

Она посмотрела на мои руки.

— Чтобы ты мог договорить то, что хочешь сказать.

Я встал, дошел до раковины и вымыл ладони. Посмотрел в маленькое зеркало над краном. Прежде я не замечал у себя складки возле рта, такой же, как у мужчины на видео. Теперь видел только ее.

Мама ответила на третьем гудке.

— Да, Илюш. Ты завтра во сколько будешь? Я воротам подпорку поставила, но ветер опять…

— Мам, мне Антон Громов написал.

Она замолчала.

Я смотрел на свое отражение. На тумбочке позади меня лежала забытая Верой перчатка, пальцами вниз. Снизу капала вода из плохо закрытого крана.

— Ты ему что-нибудь отправил? — спросила мама.

— Мы говорили.

— Документы, фотографии? Деньги просил?

— Нет. Мам, это он?

— Послушай меня внимательно. Заблокируй этот номер.

Я закрыл кран.

— Ты знала, что он живой?

— Где ты сейчас?

— Ответь.

Она шумно вдохнула. Так мама дышала перед тем, как объяснить очевидную вещь человеку, который намеренно все усложняет.

— Я не хотела, чтобы ты об этом узнал таким образом.

Я опустил руку на край раковины.

— А каким хотела?

Мама не ответила.

Вера тихо закрыла дверь между передней и мастерской. Я остался у раковины, прижимая телефон к уху. Впервые за весь разговор мама ждала, что я скажу дальше.

Глава 2. Мама сказала: не приезжай

— Он мне сказал, что писал тебе.

Мама заговорила сразу, будто ждала именно этого.

— Илья, ты разговаривал с ним сколько? Десять минут? Пятнадцать? А со мной ты прожил восемнадцать лет после того, как его забрали. Давай хотя бы это учитывать.

— Забрали куда, ты мне не говорила.

— Ты был ребенком.

— Потом перестал им быть.

Она ответила не сразу.

— Я приеду. Это не телефонный разговор.

— Так приезжай.

— Сейчас уже темно. У меня машина у ворот, надо переставлять подпорку. Утром приеду.

Я вцепился пальцами в край раковины и заставил себя отпустить.

— Ты мне сказала, его похоронили. Что машина сгорела после аварии и меня поэтому не повезли. Я спрашивал, где могила.

— Я помню.

— И что ты отвечала, помнишь?

— Что далеко.

— Ты все это придумала?

В мастерской что-то щелкнуло: Вера выключила настольную лампу. Я до сих пор не знал, слышит ли она нас через дверь, и почему-то не хотел, чтобы слышала именно это.

— Приезжай ко мне сейчас, — сказал я. — Или я приеду.

— Не приезжай. Ты сейчас за руль сядешь в таком состоянии, я потом еще и за тебя буду переживать.

— В каком состоянии?

— Не надо со мной так говорить.

На эту фразу я обычно замолкал. В тот раз замолчал тоже, но не потому, что согласился. Я пытался понять, как спросить еще раз, чтобы она наконец ответила.

— Почему ты мне не сказала, когда мне стало восемнадцать?

— Ты поступил. У тебя все наконец пошло нормально.

— А в двадцать?

— Ты собираешься сейчас каждый год перечислить?

Я сел на край тумбы. Под ладонью хрустнул пакет с губками.

— Мам, он действительно мой отец?

— Да.

Я ждал этого ответа с того момента, как увидел птицу. Услышав, не понял, что с ним делать.

— Утром я буду у вас, — сказала она. — Часов в десять. До этого не встречайся с ним. Обещай мне хотя бы это.

Я ничего не пообещал.

После звонка Вера нашла меня на том же месте. Сказала, что стул больше не нуждается в нашем присутствии, и положила мой рабочий фартук на крючок. Я не помнил, когда успел его снять.

— Есть хочешь?

— Нет.

— Я хочу. Пойдем до пекарни, пока они не закрылись.

Мне предстояло убрать инструменты. Я прошел к верстаку и начал раскладывать стамески в ящик. Вера подождала, потом указала на одну, оставшуюся под тряпкой. Не стала убирать за меня. Я накрыл стул от пыли, мы выключили свет и вышли во двор.

Танцевальная школа наверху еще работала. Через открытое окно доносился голос преподавателя: «Сначала медленно. Не пытайтесь обогнать музыку». По двору ехал доставщик с пустым коробом. Возле пекарни женщина в деловом костюме кормила крошками худого кота.

Никто не посмотрел на меня дольше обычного. Оказалось, можно идти мимо людей и никак не показывать, что только что получил обратно умершего родителя.

Мы взяли два последних пирога с капустой. Вера съела свой стоя под козырьком. Я отломил угол, пожевал, убрал остаток в пакет.

— Мама завтра приедет, — сказал я.

— Сюда?

— В десять.

Вера стряхнула с пальцев крошки.

— Мне уйти?

Я хотел ответить, что, конечно, это семейное. Так у нас дома говорили, когда при посторонних могли возникнуть лишние вопросы.

— Побудь пока, — сказал я.

Она кивнула и сунула руки в карманы куртки.

Мы вернулись в мастерскую за Вериным рюкзаком. Я положил пакет с пирогом на стол и вызвал машину, чтобы не ехать самому. По дороге написал Антону: «Завтра поговорю с матерью. Нужен какой-то документ, что вы действительно освободились. Фото можно с закрытыми личными данными».

Он ответил почти сразу: «Сейчас попрошу, чтобы нормально сняли».

Через десять минут пришла фотография справки. Часть листа прикрывал чистый конверт. Фамилия, имя, дата рождения и дата освобождения оставались видны. На фотографии в справке был тот же человек, только без щетины. Он смотрел немного мимо объектива.

Я увеличил дату рождения. Пятьдесят четыре. Маме было пятьдесят один. Вместе эти числа выглядели привычно, как правильно подобранные детали. Возраст отца я никогда не считал. Умершие на фотографиях не старели.

Квартира встретила холодным запахом мокрой одежды. Я утром повесил куртку на батарею, но отопление еще не включили. Мама купила эту квартиру после переезда, потом жила главным образом за городом, в доме, доставшемся ей от бабушки. Я остался в двух комнатах, которые по привычке называл своими. Раз в неделю она приезжала и находила, что нужно поправить: заменить губку, докупить лампочки, вымыть за холодильником. Когда Вера однажды спросила, почему у матери есть ключи от моего жилья, я ответил, что квартира вообще-то ее.

Сейчас я впервые запер входную дверь еще и на верхний замок. Не потому, что ждал ее ночью. Просто захотелось самому услышать, если кто-нибудь придет.

Я открыл ноутбук и набрал имя отца. Потом добавил «Речное», «пожар», год.

Появились однофамильцы, объявления о продаже станков, старый форум с обсуждением сгоревшего цеха. Кто-то писал, что все началось из-за проводки. Другой отвечал: хозяина посадили, при чем здесь проводка. Ссылки вели на страницы, которых больше не было. В архиве районной газеты были только обложки нескольких номеров и предложение обратиться в редакцию.

На форуме осталась короткая цитата: «При пожаре погибла дежурная».

Я перечитал ее. До этого речь шла про моего отца, мою мать, про то, сколько лет у меня отняли. Дежурная в это не помещалась. Я не знал, сколько ей было лет и почему она оказалась в цехе ночью. Открыл еще две страницы, но они повторяли тот же обрывок.

На часах было без четверти два.

Я написал Вере: «Действительно был пожар. Кто-то погиб».

Она ответила утром: «Я сегодня пораньше приду».

Заснуть я смог только под утро. Приснился коридор старой квартиры. Отец стоял на кухне спиной ко мне, и я не мог определить, молодой он или такой, как сейчас. Проснувшись, я долго лежал, слушая, как сосед сверху катит по полу стул.

В мастерскую я приехал к половине десятого. Вера уже была там, заправляла нитку в машину. Поставила передо мной контейнер с бутербродами, рядом положила бумажную салфетку.

— Кофе сам. Я твой опять слишком крепким сделаю.

Я съел бутерброд почти не жуя.

— Спасибо.

— Второй тоже тебе. Я завтракала.

Мне хотелось прикоснуться к ее плечу. Я протянул руку к чайнику.

Мама пришла без трех минут десять. В синем пальто, с тяжелой сумкой на сгибе локтя. Волосы были еще влажными у висков. Она всегда мыла голову перед серьезным разговором или поездкой, даже если потом жаловалась, что нельзя выходить с мокрыми волосами.

— Ты не выспался, — сказала она вместо приветствия.

Поставила сумку на свободный край стола, вынула контейнер и пакет с домашними яблоками. Увидев Веру, улыбнулась.

— Доброе утро. Я вам на двоих привезла. Илья обычно забывает поесть.

— Спасибо, Екатерина Павловна. Мы уже позавтракали.

Вера взяла рулон ткани и ушла в дальний конец мастерской. Швейная машина пока не работала. Я подвинул к матери стул.

Она села, сняла перчатки и положила их одну на другую.

— Покажи, что он прислал.

— Зачем?

— Я хочу понимать, о чем мы разговариваем.

Я разблокировал телефон и положил его на стол. Код мама знала: в первые недели после открытия мастерской она помогала мне разбирать заявки, а поменять его я с тех пор не собрался.

Я включил видео. Мама смотрела, не наклоняясь. Когда Антон поднял птицу, она отвела взгляд к окну.

— Эту штуку он всегда умел.

— Какую?

— Вспомнить что-нибудь хорошее в нужный момент.

Я убрал телефон.

— За что он сидел?

— За поджог. Там погиб человек. Женщина, которая дежурила.

— Он поджег вашу мастерскую?

— Производство. Там еще склад был. Из мастерской у него только долги остались.

Она сняла с пальто невидимую нитку.

— Я работала с документами, он занимался всем остальным. В последние месяцы мы уже почти не разговаривали. Он срывался. Мог уйти на ночь и не сказать, куда. Потом случился пожар. Мне позвонили.

— Кто?

Мама посмотрела на меня.

— Илья, я сейчас не вспомню, кто первый. Восемнадцать лет прошло.

— Ты была на суде?

— Была.

— И что он говорил?

— Что виноват.

Я посмотрел на ее руки. Маникюр был старый, лак у основания ногтей отрос. Обычная мамина рука лежала на столе рядом с контейнером. В детстве она проверяла такой ладонью, есть ли у меня температура. В ночь после моего выпускного держала таз, пока я уверял, что больше никогда не буду пить. Не получалось одновременно помнить это и спрашивать, зачем она придумала похороны.

— Почему ты не сказала мне про суд?

— Потому что ты был маленький.

— Мне было десять. Я бы понял, что он в тюрьме.

— И начал бы ждать.

Она произнесла это тихо.

— Ты бы считал дни, писал ему, ездил туда. Он бы давал тебе советы, как жить. О человеке судят по поступкам, Илья. Я увидела его поступки и решила, что тебе хватит.

— А то, что ты решила, — это не поступок?

Мама расправила перчатки.

Из дальней комнаты донесся звук машины. Вера начала шить. Ровный стрекот помогал не слышать каждую паузу так отчетливо.

— Я не могу отменить то, что сказала, — ответила мама. — Я могу объяснить, почему. У нас тогда денег на неделю оставалось. Ты болел. У тебя ночами температура поднималась, я боялась, что в больницу заберут, а я с тобой даже вещи не успела собрать. Мне надо было из того места уехать, работу найти. А он сидел и писал, как скучает.

Я помнил ту болезнь. Запотевшее окно, влажное полотенце на шее, маму в кресле возле кровати. Она засыпала сидя, потому что я просыпался и звал, стоило ей лечь в другой комнате.

— Можно было потом сказать, — произнес я.

— Потом ты стал спать. Потом перестал каждый раз спрашивать. У тебя школа появилась, друзья. Ты начал смеяться. Что я должна была сделать? В один день опять все перевернуть?

— Ты его письма мне не передавала?

Она сжала перчатки.

— Не все.

— Какие передала?

Мы посмотрели друг на друга.

Мама сложила перчатки в сумку.

— Мне жаль, что так получилось. Но с ним ты не останешься один. Об этом даже разговора нет.

— Я все равно встречусь.

Она не сразу ответила. В первый раз за утро внимательно осмотрела мастерскую: стеллажи, вытяжку, новенькую ленточную пилу. Когда мы покупали ее, мама настояла, чтобы я взял модель дороже. Сказала, на работе нельзя экономить.

— Здесь он не будет появляться, — сказала она. — У вас клиенты.

Я уже открыл рот, чтобы напомнить, чья это мастерская. Посмотрел на пилу и вместо этого спросил:

— Где ты предлагаешь?

— Мне бы лучше вообще этого не устраивать.

— Мам.

Она выдохнула.

— В доме тогда. Там хоть посторонние слушать не будут. Сегодня в два. Я до вечера свободна, покупателей завтра жду.

— Ты продаешь дом?

— Я тебе говорила. Держать его одной больше не хочу.

Может, говорила. Последние месяцы я слушал ее между звонками заказчиков, и новости о доме сливались для меня в один бесконечный рассказ про ремонт.

— В два, — повторил я. — Только ты не уйдешь от разговора.

— Я и не ухожу. Ты же видишь, я здесь.

После ее отъезда швейная машина сразу остановилась.

Вера вышла, держа недошитую подушку.

— В доме встречаться будете?

Я кивнул.

— Может, лучше где-нибудь в городе? В кафе. Вы сможете уйти по отдельности, если станет тяжело.

— Она туда не пойдет. Не хочет, чтобы кто-то слушал.

— А ты чего хочешь?

— Чтобы они оба при мне поговорили. Один раз хотя бы.

Вера прислонила подушку к столу.

— Я могу отвезти.

— Не надо. Мама и так думает, что ты все слышала.

Она посмотрела на меня и промолчала.

— Не в этом дело, — поправился я. — Мне надо самому. Сначала самому.

— Ладно. Тогда что у нас с Никитиными?

Я оглянулся на два стула.

— Каркасы я до отъезда закончу. Ты успеешь с сиденьями?

— К понедельнику, как обещали. Но завтра ты нужен здесь. Одной мне и паковать, и грузить неудобно.

— Буду.

— Сегодня позвони в шесть. Скажи, когда тебя завтра ждать. Я тоже выходной планировала.

Я хотел ответить привычное «да не забуду», но посмотрел на нее и достал телефон.

— Поставлю напоминание.

Вера кивнула.

Я переслал ей точку на карте. До маминого дома было двадцать восемь километров, последний участок шел от старого шоссе через поселок Липки. Вера была там однажды, когда мы забирали оставшиеся после закрытия гостевых комнат кресла.

Антону я написал время и адрес. Он позвонил.

— Мать согласилась?

— Да. В два.

— Она тебе что сказала?

Я посмотрел на пакет с яблоками. Одно было с коричневым боком; мама аккуратно положила его пятном вниз.

— Что ты виноват. Что на суде признался.

В трубке послышалось движение, будто Антон встал.

— Илья, я тебе объясню.

— При ней. Я хочу, чтобы вы при мне объяснили.

Он помолчал.

— Хорошо.

Я работал до часа. Проверил второй каркас, подписал пакет с винтами, убрал подальше от прохода мокрую ветошь. Вера измеряла поролон и не торопила. Когда я надел куртку, она спросила, заряжен ли телефон. На экране было двенадцать процентов: ночью я так и не подключил его к розетке, а утром зарядку занял рабочий планшет.

— В машине подзаряжу.

— У тебя провод отходит.

— У мамы есть.

Она протянула мне пакет с оставшимся пирогом, который я вчера принес обратно и забыл на столе.

— Этот уже не ешь. Выброси по дороге.

Я вдруг засмеялся. Неловко, слишком громко. Вера тоже улыбнулась, но быстро перестала.

— Позвони в шесть, — сказала она.

Я вышел к машине и перед тем, как сесть, написал маме, что выезжаю. Она ответила: «Осторожно. Чай поставлю».

Глава 3. Снаружи

На повороте в Липки телефон показал шесть процентов и предложил экономить заряд. Провод в машине действительно отходил. Я прижал штекер большим пальцем, дождался значка батареи, отпустил — значок исчез.

До дома оставалось четыре километра. Я убрал телефон в карман и поехал дальше.

Мамин дом стоял последним на нашей улице. За ним начинались огороды, потом полоса кустарника и овраг. Соседняя усадьба уже второй год пустовала; хозяева приезжали летом косить траву. Сюда сворачивали редко, только к нам или к ним.

Раньше на воротах висела деревянная табличка с названием гостевого дома. Теперь ее сняли, и на потемневших досках остался светлый прямоугольник. Мама закрыла комнаты для постояльцев еще в июне. Объясняла, что устала стирать чужое белье и ждать людей, которые обещают приехать к восьми, а звонят после полуночи.

Я припарковался под рябиной. Подпорка ворот упиралась в кирпич. Над верхней петлей оторвался кусок старой краски — то самое место, о котором мама говорила вчера, до того как я назвал ей отцовское имя.

Антон стоял у крыльца. В руках держал прозрачный пакет с документами. На нем была та же рубашка, что на видео, только сверху он надел серую куртку. Увидев машину, спустился на одну ступеньку и остановился.

Я заглушил двигатель. Не спешил выходить. Он тоже не двигался.

В детстве мне казалось, что отец очень высокий. Теперь человек возле крыльца был примерно моего роста, возможно, на пару сантиметров ниже. Он держал плечи приподнятыми, как от холода, хотя день выдался теплый.

Я вышел.

— Здравствуйте.

Он посмотрел на меня, потом на протянутую руку и пожал ее. Ладонь была сухой, жесткой по краям. Шрам возле большого пальца оказался глубже, чем на экране.

— Здравствуй, Илья.

Он не выпустил руку сразу. Я чуть отступил. Антон разжал пальцы и сунул свободную ладонь в карман.

— Долго добирался? — спросил я.

— На автобусе до магазина. Оттуда пешком.

— Тут от магазина четыре километра.

— Я вышел заранее.

Я хотел сказать, что мог забрать его с остановки, если бы знал. Вместо этого посмотрел на входную дверь.

— Мама дома?

— Дома.

Ни один из нас не стал объяснять, почему тогда он ждал снаружи.

Мама открыла раньше, чем я поднялся на крыльцо. На ней был домашний свитер с закатанными рукавами. Пальто, в котором она приезжала в мастерскую, висело в прихожей на своем обычном крючке. Рядом стояли подготовленные для покупателей бахилы.

— Заходите. Не надо на улице стоять.

Она протянула руку к моей щеке. Я повернул голову к вешалке, будто не заметил. Мама опустила руку.

Я расстегнул куртку, убрал ключи от машины в карман и повесил ее на свободный крючок.

Антон вытер ноги о коврик, снял куртку и остался с ней в руках.

— Вешай, — сказала мама.

Он повесил рядом с моей курткой. Внизу, у скамьи, стояли две пары тапок. Одни я помнил давно, вторые были совсем новые, еще скрепленные пластиковым держателем.

Я оборвал держатель ногтем. Антон обулся молча.

В большой комнате исчезла часть мебели. Там, где раньше стояли кресла для гостей, на полу оставались вмятины. У стены громоздились коробки. На одной мама написала «Кухня, оставить», на другой — «Отдать».

— Совсем съезжать решила? — спросил я.

— Если договоримся с покупателями. Завтра приедут смотреть еще раз.

Она говорила со мной. На Антона почти не смотрела.

— Чай будете? Я яблоки нарезала.

У меня дернулась щека. В другой день я сказал бы, что после пирога обязательно придется чинить ворота. Мама ответила бы, что именно на это и рассчитывала.

— Давай сначала поговорим.

— Садись. Разговаривать и сидя можно.

Мы прошли на кухню. Скатерть была новая, белая в мелкую клетку. Три чашки стояли на блюдцах; ручки мама повернула так, чтобы брать правой рукой. Перед отцовским местом лежала дополнительная салфетка. Я подумал, помнит ли она, как он пил чай, и тут же разозлился на себя за эту мысль.

— Телефон заряжу, — сказал я.

— На холодильнике провод. Подключай.

Я положил аппарат на полку у розетки. Появился значок зарядки. Отодвинув рядом стоящую вазочку, я проверил, чтобы провод не перегибался.

Антон сел лицом к двери.

Мама остановилась напротив него.

— Только без съемки, пожалуйста.

Он посмотрел на нее.

— Я ничего не снимаю.

— Сейчас все можно включить и положить в карман. Я хочу нормально поговорить. Без того, чтобы потом кто-нибудь выкладывал.

— Кому мне выкладывать, Катя?

Она продолжала стоять.

Антон достал телефон в потрескавшемся чехле и положил на стол экраном вверх.

— Так устроит?

— Убери хотя бы от чашки, — сказала мама. — Зальешь.

Он переложил его на полку возле моего.

Мама села. Я подождал, пока она разгладит скатерть, потом спросил:

— Когда ты узнал, что мне сказали про аварию?

— Вчера. От тебя.

Антон смотрел на меня. Мама подняла подбородок.

— А когда он должен был узнать, по-твоему? В десять лет? Когда у нас дома все переворачивали?

— Катя, я спрашивал, как он. Ты отвечала, что нормально. Что школу поменял, привык.

— Он и привык. Я для этого все сделала.

Я поднял руку.

— Подождите. Я хочу понять про письма. Ты мне писал?

— Сначала нет, — сказал Антон.

Этот ответ не совпадал с тем, к чему я приготовился.

— Почему?

Он провел пальцем по краю блюдца.

— Стыдно было. Не знал, что писать. Мать сказала, тебе нужно время. Я согласился. Потом пытался. Но ты уже… Мне объяснили, что ты против.

— Ты хотя бы раз хотел услышать это от него самого? — спросила мама.

Антон повернулся к ней.

— Мне ты говорила, нельзя его тревожить.

— А решение все равно ты принимал.

Они оба замолчали. Я думал, что сейчас обязан встать на чью-то сторону. Вопрос про письма дал два ответа, и каждый можно было использовать против другого.

— Где они? — спросил я.

— Мои? — уточнила мама.

— Его. Тебе.

— Илья, ты представляешь, сколько переездов было?

— Коробки ведь не при каждом переезде разбирали. Часть так и стояла в доме. Может, и письма здесь?

Она взяла чайник, налила нам всем, хотя никто не просил.

— Что-то осталось. Надо смотреть. Но я предлагаю начать не с переписки. Пусть он сначала расскажет, что сделал.

Антон не притронулся к чашке.

— Я приехал рассказать.

— Вот и рассказывай.

Я посмотрел на отца. Он сидел, прижав колени друг к другу. На новой для него кухне, среди чашек, которые мать расставила заранее, он выглядел человеком, которого пригласили просить прощения по готовому порядку. Мне хотелось сказать ему, что он может не торопиться. Но погибла женщина. Я не имел права просто забыть о ней из-за его потерянного вида.

— Ты поджег мастерскую? — спросил я.

Антон поднял глаза.

— Я ее не поджигал.

Мама поставила чайник слишком близко к краю стола. Я автоматически передвинул его.

— На суде ты другое говорил.

— На суде я признал вину.

— И расписался. Своей рукой.

— Я помню, чем расписывался.

Он впервые сказал это жестко. Я выпрямился.

Мама сложила руки перед собой.

— Вот. Теперь ты видишь, как это будет. Он уже говорит, что ничего не делал. Дальше получится, что я все придумала. И суд тоже придумал.

— Я не сказал, что ничего не делал, — произнес Антон.

— А что ты делал? — спросил я.

Он повернулся ко мне, но мама уже встала.

— Я принесу бумаги. Иначе мы так до ночи будем ходить по кругу.

Она вышла из кухни. Мы остались вдвоем. Я слышал, как в большой комнате открывается шкаф, как что-то шуршит. Взглянул на полку: мой телефон заряжался, отцовский лежал рядом экраном вниз.

— Я все это время думал, ты меня не хочешь видеть, — сказал Антон.

Я посмотрел на него.

— Ты мог бы еще раз проверить.

Он кивнул.

Мне хотелось спросить, как именно он жил все эти годы, о чем думал по утрам, как нашел первую работу. И хотелось, чтобы он перестал смотреть на меня с таким ожиданием. Я не мог одновременно возвращать ему сына и разбираться, был ли мой отец убийцей.

Антон вышел в прихожую к своей куртке. Я услышал шорох, затем он вернулся с птицей, завернутой в полотенце, и положил ее возле моей чашки.

— Заберешь, если захочешь.

Вблизи она была светлее, чем на записи. Свежая древесина, не покрытая лаком. Крыло держалось на деревянной оси, к нижнему краю был прикреплен шнурок.

Я взял ее двумя пальцами и качнул. Неровное крыло стукнуло о бок.

— Здесь цепляет.

— Да. Надо снять немного. Инструмент пока какой был.

Я снова качнул крыло, попробовал надавить под другим углом. Представил, каким резцом удобнее подрезать паз. Несколько секунд я просто держал чужую недоделанную вещь и знал, как ее поправить.

— Дома доделаю, — сказал я.

Антон опустил глаза, будто я ответил на более важный вопрос. Я завернул птицу обратно.

Мама вернулась с тонкой папкой. Внутри лежали рекламные листки, перечень имущества и копии каких-то квитанций.

— Здесь нет, — сказала она. — Я когда к продаже разбирала, старые документы вниз отнесла. В синей коробке должны быть. Илья, поможешь поднять?

Я встал. Антон тоже поднялся.

— Там, наверное, и твое кое-что осталось, — сказала ему мама. — Из того, что с квартиры перевозили. Я уже не помню.

В коридоре она включила свет, хотя от окон было еще достаточно светло. Мы прошли мимо закрытых гостевых комнат. На дверях остались маленькие металлические номера. Мама собиралась снять их, но вечно откладывала.

В конце коридора висел план дома под стеклом. Старый технический чертеж с поправками, который она велела оформить в рамку после перепланировки. Когда приезжали проверять гостевые комнаты, по нему объясняли, где какой вход.

Я остановился, пока мама искала нужный выключатель. На нижнем листе был отдельно показан подвал. Две комнаты, лестница, узкий прямоугольник с пометкой «Хоз. помещение». Между ним и дальней комнатой чертежник обозначил проем. Я вспомнил деревянные ящики, которые когда-то стояли на том месте, и не смог вспомнить никакой двери.

— Ты боковую подсобку когда переделала? — спросил я.

— Давно. Там старый холодильник стоит. И ларь. Я туда теперь почти не хожу.

— Он работает еще?

— Холодильник? Нет. Вывезти надо. Покупатели сказали, им не нужен.

Она открыла дверь под лестницей, ведущей на второй этаж. За ней начинался короткий спуск. Внизу загорелась лампа в металлической сетке.

Я вспомнил, что оставил птицу на кухне. Решил взять на обратном пути.

— Там сухо? — спросил Антон.

— Сухо. Я же белье там держала.

Он спустился первым. Я пошел следом, держась за перила. Ступеньки были бетонные, с наклеенными полосками против скольжения. На нижней одна полоса завернулась, и я прижал ее носком.

За тяжелой дверью пахло картоном, прохладной штукатуркой и стиральным порошком. Слева стояли полки с банками и свернутыми скатертями, справа — разномастные коробки. Стена в глубине была обшита светлыми панелями. Я раньше этих панелей не видел.

Мама осталась на ступеньках.

— Синяя внизу, под той, где полотенца. Вдвоем снимите верхнюю, я ее одна еле поставила.

Антон взялся за коробку, я подхватил с другой стороны. Она оказалась легче, чем я ожидал. Внутри что-то мягко сдвинулось. Мы поставили ее на пол.

Под ней стояла синяя пластиковая коробка с защелками.

Я только протянул к ней руку, когда за спиной скрипнула дверь.

Обернулся. Мамин свитер мелькнул в сужавшемся просвете.

— Мам, подожди.

Дверь закрылась. Я шагнул к ней, нажал на ручку. Ручка свободно опустилась, но дверь не открылась.

С другой стороны что-то металлически ударило о крепление. Потом послышался длинный скользящий звук.

— Мам?

Я потянул сильнее. Дверь подалась на несколько миллиметров и остановилась. До меня дошло, что я слышал засов.

Антон поставил ладонь на край косяка. Ничего не сказал.

— Открой, — произнес я. — Ты что делаешь?

Несколько секунд за дверью было тихо. Потом мама ответила совсем близко, будто тоже стояла, положив руку на металл:

— Теперь вы поговорите без меня. Как хотели.

— Мы не хотели здесь сидеть. Открой дверь.

— Илья, не надо кричать. Свет есть, вода там на столе. Воздух поступает. Все нормально.

Я оглянулся. Между стеллажами действительно стоял маленький стол. На нем лежали две запечатанные бутылки, пачка печенья и фонарь.

— Открой сейчас.

— Когда он расскажет тебе правду, позовете. Я наверху буду.

— Мам!

Она уже поднималась по лестнице. Я ударил в дверь открытой ладонью.

— Я не согласен! Ты слышишь? Я не согласен здесь оставаться!

Шаги остановились.

— Ты сам настаивал, чтобы вас выслушали, — сказала мама. — Вот и выслушай сначала.

Потом закрылась верхняя дверь.

Глава 4. Пока вы не договоритесь

Я еще несколько раз ударил в дверь. Перестал, когда почувствовал в ладони жжение.

Засов был снаружи. Я это понимал, но снова нажал на ручку, поднял ее, потянул дверь на себя. Антон отступил, чтобы мне не мешать. Я проверил щель у пола, прошелся пальцами вдоль косяка, как будто там могло обнаружиться что-то, пропущенное в первый раз.

— Не дергай так, — сказал он. — Ручка останется в руках.

— Хорошо. Буду сидеть тихо.

Он не ответил.

Я положил ладонь на металл.

— Мам! Я понял, что ты хочешь. Выйдем, я его выслушаю. Обещаю.

Наверху было тихо.

— Я не уйду до разговора. Слышишь?

Ждать оказалось хуже, чем стучать. Я стоял близко к двери и не мог определить, есть за ней кто-нибудь или мать уже вернулась на кухню. Изнутри не было видно ни лестницы, ни света под верхней дверью.

Справа от моего лица находилось вентиляционное окошко. Узкий прямоугольник, затянутый снаружи мелкой сеткой. Я наклонился к нему. Пахло сырой штукатуркой лестничного спуска. С улицей оно не сообщалось.

— Мам, ответь.

Сверху донесся скрип половиц. Потом шаги.

Я чуть отошел, готовясь схватить дверь, как только откроется. Мать остановилась с другой стороны.

— Не надо меня пугать, Илья. Я прекрасно слышу.

— Тогда открой.

— Ты даже десяти минут его слушать не стал.

— Я тебя прошу выпустить меня. Не его. Меня.

Антон посмотрел на пол. Я только что предложил оставить его здесь одного, и все равно не исправился.

— Тебя он будет слушать, — сказала мама. — Меня давно не слушает.

— Он мне ничего не должен рассказывать, если я отсюда выйти не могу.

— Ну вот. Уже и рассказывать не должен.

Я ударил в дверь кулаком, один раз. Мама шумно вздохнула.

— Руку сломаешь. Ты ею работаешь, между прочим.

Я прижал кулак к животу.

— Я вызову полицию.

— Когда выйдешь, вызовешь, если посчитаешь нужным. Сейчас выслушай отца.

Она сказала это без угрозы, почти устало. Я приготовился спорить с человеком, который отрицает свой поступок, а мама его не отрицала. Она просто считала мою реакцию преждевременной.

— Как ты себе это представляешь? Мы поговорим, я скажу: «Спасибо, мама»?

— Я хочу, чтобы ты перестал верить первым десяти словам, которые он тебе сказал.

— Мне двадцать восемь лет.

— Я знаю, сколько тебе лет. Я тебя родила.

Антон шагнул к двери.

— Катя, выпусти его. Со мной останешься, если надо.

— Ты мне условия здесь не ставь.

— Он ни при чем.

— Тогда расскажи ему, при чем ты.

— Мама, — сказал я.

Она уже поднималась. Я еще слышал ее шаги, когда начал говорить, что здесь нет туалета. Ответ пришел сверху:

— Не на сутки же я вас закрыла.

Снова хлопнула верхняя дверь.

Я отвернулся от металла и увидел бутылки на столе. Мать поставила их заранее. Принесла воду и печенье, оставила фонарь. Может быть, еще пока я работал в мастерской. Она знала, во сколько мы приедем, и успела подготовиться.

В горле пересохло. Я взял бутылку, сорвал кольцо с крышки. Выпил слишком быстро, вода попала не туда, и я закашлялся.

Антон хотел подойти. Я поднял ладонь. Он остановился.

Когда удалось отдышаться, я спросил:

— Ты знал?

— Нет.

— Что она собирается так сделать.

— Нет, Илья.

— Почему ты тогда такой спокойный?

Он посмотрел на стол. Потом на дверь.

— Я не спокойный. Я боюсь, что ты сейчас себе руку повредишь, а открыть ее мы все равно не сможем.

Меня раздражало его «мы». За сутки мне предложили сразу две семьи. В одной нужно было не задавать вопросов, в другой — сразу стать сыном человеку, которого я едва узнал. Теперь мы оказались вдвоем в комнате, из которой не могли выйти.

Я взялся за коробку с полотенцами и отодвинул к стене. Синяя стояла под ней. Крышку держали две обычные защелки. Я открыл обе.

Внутри лежали старые гостевые книги, инструкции к водонагревателю, рулон ценников. Под ними я нашел папку с надписью «Ремонт». Пролистал счета за плитку, схемы электрики, гарантии на оборудование. Писем не было.

Я перевернул коробку на бок. На пол высыпались пластиковые держатели для табличек.

Антон присел, подобрал папку.

— Может, в другой.

— Может, вообще ни в какой.

Я прошел к дальней стене. В этой комнате было одно маленькое окно у потолка, заложенное снаружи стеклоблоками. Несколько лет назад мама поменяла простое стекло, потому что через него шел холод. Разбить стеклоблок я мог попробовать чем-нибудь тяжелым. За ним были земляной откос, приямок и металлическая решетка, которую поставили еще при бабушке. Я помнил это снаружи. Выбраться туда без инструмента и помощи не получалось.

Между полками обнаружился проход в другую комнату. Она была меньше, с низким потолком. Свет туда попадал через дверь. Я дернул шнурок свисающего светильника, лампа мигнула и загорелась.

Вдоль стены стояли снятые карнизы, раскладушки и разобранный шкаф. Я потянул одну из боковин. За ней была та же светлая обшивка. Слишком новая для остального подвала.

Я вспомнил план наверху.

— Здесь раньше проход был.

Антон подошел, положил ладонь на панель.

— Куда?

— В подсобку. С другой стороны дома. Пол там выше, но выход во двор есть. Я на чертеже видел.

Он постучал костяшками пальцев. Панель отозвалась пустым звуком, но по всей стене одинаково. Между ней и кладкой явно оставалось расстояние.

Я надавил возле стыка. Материал слегка прогнулся и выпрямился. Видимых креплений не было. Я знал, как разобрать такую обшивку, если у меня есть хотя бы обычный набор инструмента. Набор лежал в багажнике, в двадцати метрах от нас.

— Подсобка закрыта? — спросил Антон.

— Не знаю. Мама туда старый холодильник поставила.

Я снял с разобранного шкафа полку. У одного края сохранился металлический уголок. Попытался поддеть им стык.

Антон придержал панель, пока я давил. Уголок соскользнул, и я едва не попал себе по пальцам.

— Подожди, — сказал он. — Так все разлохматишь. Потом не подцепим.

— Ты предлагаешь ждать, пока она сама откроет?

— Я предлагаю не торопиться там, где от этого хуже.

Я опустил полку. Дышал так, будто только что вынес на лестницу тяжелый комод.

— Тебе привычно, да?

Он убрал руку с панели.

Я понял, что сказал. Он тоже понял. Лицо у него стало пустым, закрытым. Я смотрел на полку и никак не мог заставить себя поднять глаза.

— Зря я, — произнес наконец.

Антон кивнул. Не сказал, что ничего страшного.

Я вынес полку в первую комнату и положил на стол. Рядом нашелся старый деревянный стул. Проверил сиденье, сел. Колени неприятно подрагивали.

Антон остался стоять.

— Сядь тоже, — сказал я. — Табурет там за банками.

Он достал низкий табурет, сдул пыль. Сел, поставив ноги на нижнюю перекладину.

Мы молчали. За стеной что-то тихо гудело, должно быть, оборудование в хозяйственной части. Отопление здесь еще не работало, но сырого холода не было. Если сидеть и не смотреть на дверь, можно было представить, что мы просто разбираем старые вещи.

Я взял пачку печенья. На обороте стояла свежая дата. Разорвал шов и положил между нами.

— Бери.

Антон покачал головой.

— Не из-за нее. Есть хочу, — сказал я.

Он взял одно. Печенье оказалось жестким, с сахаром по краю. Я съел два и запил водой.

Я мог еще раз позвать мать. Мог рассказать ей про найденный проход, пригрозить разобрать стену, потребовать телефон. Она бы снова потребовала выслушать отца. А мне действительно нужно было услышать, что он скрывает, прежде чем я решу, можно ли действовать вместе с ним.

— Рассказывай про пожар, — сказал я.

Антон поднял голову.

— С чего начать?

— С того, что ты делал в тот день. Без мамы. Сначала ты.

Глава 5. Мой отец сидел за пожар

Он начал с работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.